

ПАТРИОТЫ, ЖЕЛАЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ «ДЕНЬ».

ЗВОНТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: МОСКВА—200-23-67, С.-ПЕТЕРБУРГ—272-40-07, КИЕВ—290-78-05, РИГА—37-08-93, ТАЛЛИНН—42-17-57, НОВОСИБИРСК—21-40-75, БРЯНСК—57-11-43, ПЕРМЬ—73-16-63, ВЛАДИВОСТОК—25-63-40, ТЮМЕНЬ—24-18-81, МУРМАНСК—7-24-24, САМАРА—34-66-59, НЬЮ-ЙОРК—(718) 359-79-05, СИМФЕРОПОЛЬ—23-22-76, ОМСК—33-15-31, НОВЫЙ ОСКОЛ—4-50-48, КАЛУГА—3-86-21

КРУГ ЧТЕНИЯ

АНТОЛОГИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

НАДО МУЖЕСТВО ИМЕТЬ...

Стихотворения, представленные на этой полосе «Дня», сами по себе способны очень многое сказать о своем создателе — Станиславе Куняеве, которому ныне исполнилось шестьдесят. И все же нельзя обойтись без нескольких «примечаний» к публикуемым текстам.

Во-первых, следует оговорить, что можно было бы предложить читателям более совершенную, более поэтически безупречную «подборку». Однако мне хотелось, чтобы Станислав Куняев явился сегодня прежде всего как (если воспользоваться традиционным определением) поэт-режиссер. Нет сомнений, что открыто гражданские, «политические» стихи — самая трудная сфера поэзии. Даже у безусловно великих поэтов (в том числе и у самого Пушкина!) не так уж много «политических» стихотворений, равных по своему поэтическому достоинству их же «чистой» лирике. Слишком велико здесь «сопротивление материала», слишком тяжела и громоздка та ноша, которую нужно вознести в поэтическую высь...

Могут спросить: а стоило ли в таком случае выставлять на первый план именно эти стихотворения Станислава Куняева? Но я с давней уверенностью отвечаю, что Станислав Юрьевич — наиболее значительный гражданский поэт России за последние три десятилетия. Главным образом потому, что он (исключая только самые первые годы его литературного пути) в отличие от многих и многих вслушивался не в расхожие идеи и переменчивые общественные настроения данного «момента», но в глубинное движение самой истории. Нередко говорят: поэт, мол, выражает то, что происходит на устах у всех. На деле же так «говорят» не поэты, а жаждущие только как можно большей популярности стихослагатели. Поэт же призван сказать то, что принадлежит именно ему...

Вот хотя бы три наиболее ранних — 1960—1963 годов — из публикуемых

К шестидесятилетию Станислава Куняева

здесь стихотворений. В те времена царили восторг перед подзабытыми «экспериментами» 1920-х и безоговорочное восприятие «реабилитированных». Но Станислав Куняев уже тогда осознал, что все обстоит сложнее. И его движение к поэтической истине ясно запечатлелось в стихотворении 1962 года «Постой. Неужто?».

Ранее, в 1959-м, он, как и несколько его коллег по цеху, написал стихи, «заданные» превосходным критиком типа Бен. Сарнова Мих. Светловым («Добро должно быть с кулаками...»). Но довольно скоро поэт осознал всю несостоятельность этой светловско-чеккистской «формулы» (и, конечно, не только ее). Тем не менее еще и до сих пор не переставая затаившись, пытающийся «укорять» поэта этой — сочиненной

НА ЮБИЛЕЙ СТАНИСЛАВА КУНЯЕВА

В этот век, когда наш быт расстроен, Ты схватился с многоликим злом. Ты владел неукротимым боем, Ты сражался духом и стихом.

В этот день, когда трясет державу Божий гнев и слышен плач и вой, Назовут тебя друзья по праву Ветераном третьей мировой.

Бесам поражения не внимая, Выше мы по чарке горевой, Потому что третья мировая Началась до первой мировой.

Юрий КУЗНЕЦОВ

Станислав КУНЯЕВ

«И ПИШЕТСЯ «ДОБРО» С ЗАТЛАВНОЙ БУКВЫ»

ДЕНЬ. 1992. 22-28 нояб. — с. 6

Надо мужество иметь не сыскать на эпоху, чтобы божеское Богу вырвать, выкроить, суметь.

Надо мужество иметь, чтобы прочно раздвинуться, но при этом сохранить, выжить, а не умереть. 1964 г.

Карл XII

А все-таки нация чтит короля — безумца, распутника, авантюриста за то, что во имя бесцельного риска он вышел к Полтаве, тиславьем горя.

За то, что он жизнь понимал, как игру, за то, что он уровень жизни понизил, за то, что он уровень славы повысил, как равный, бросая перчатку Петру.

А все-таки нация чтит короля за то, что оставил страну разоренной, за то, что, рискуя фамильной короной, привел гренадеров в чужие поля.

За то, что цвет нации он положил, за то, что был в Швеции, за то, что, весь мир изумляя отвагой, погиб легкомысленно, так же как жил.

За то, что для родины он ничего не сделал, а может быть, и не старался.

За то, что на родине после него два века никто на войну не собрался.

И уровень славы упал до нуля, и уровень жизни взлетел до предела... Разумные люди. У каждого — дело. И все-таки нация чтит короля! 1966 г.

А дожди все чаще моросят. Но что жил дух оптимизма в каждом, на ветру упруго парусат прописные истины для граждан. Только их напрасно убеждать, что какое долг или работа: им пришлось три века обживать эти сенкисы и болота, ставить избы,

мастерить гробы, сеять хлеб и, глядя на закаты, не подозревать, что глас судьбы

скажет им, что в чем-то виноваты... 1974 г.

С каким только сбродом я не пил на трассах великой земли, но как ни жмел, а заметил, что выхолостить не смоги ни водки, ни личные драмы, ни страсти, ни логику фраз какою-то искру, прямым горящим в каждом из нас. Глядишь — негодный негодям, но чудом каким-то, Бог весть, сквозь сумрак, что непробиваем, то совесть пробьется, то честь...

1974 г.

Чего нам не хватало на просторе, где столько сена, рыбы и зверья, где столько сини в человеческом зоре, где столько милых запахов жилья?

Но как мы жили? Кто о том расскажет? Кто смог бы рассказать — давно умолк... Ленивыми крылами плавно машет тяжелый кошур...

Сел на свежий стог... Цветочная пыльца плывет кругами по черным водам северной реки... Мне нынче хорошо и волно с важи, охотники, крестьяне, рыбаки.

1975 г.

Был Дмитрий Самозванец не дурак — он знал, что черни либо самозванство, но что-то где-то рассчитал не так и черным пеплом вылетел в пространство.

Как истый царь, он въехал в Боровицкие ворота... А то, что с ним произошло в конце, — все потому, что знать не знал народа.

1975 г.

Спасибо, Станислав, за книги, за добрые слова! К сожалению, у нас нет весны, и будет ли лето? Легким сердцем, а Мария Семеновна едва живая, поэтому в Вологу не могли поехать, а так хотелось, и дети со внуками нас ждут.

Вместе, иначе задавать нас поди-ночке. Обнимаю — В. АСТАФЬЕВ, май 1984 года.

«Другу, поэту, человеку Станиславу Куняеву с любовью, почтением. Сердечно — Юрий СЕЛЕЗНЕВ. 1. IX. 80».

«Станиславу Куняеву. БЕЛОВ. 10. IV. 83. О Родине душа моя болит! .. Она скорбит по вырубленным сенам, по выжженным недром, по названным Засохшим рекам и вымороженным селам. Среди друзей, среди живых и павших, Сплоченных снова вражеским колымом! Болит душа... Как странен — отголосок Душевной боли — мой веселый смех, Среди друзей, среди живых и павших, Сплоченных снова вражеским колымом! 1982 год, в Тимонихе».

«Дорогому Стасу Куняеву. Сил тебе, Стас, да надолго! В. РАСПУТИН. Апрель 1988 г., Иркутск».

«Спасибо, Станислав, за книги, за добрые слова! К сожалению, у нас нет весны, и будет ли лето? Легким сердцем, а Мария Семеновна едва живая, поэтому в Вологу не могли поехать, а так хотелось, и дети со внуками нас ждут. Вместе, иначе задавать нас поди-ночке. Обнимаю — В. АСТАФЬЕВ, май 1984 года».

«Другу, поэту, человеку Станиславу Куняеву с любовью, почтением. Сердечно — Юрий СЕЛЕЗНЕВ. 1. IX. 80».

счете исторического смысла прошлого и современности — личное осознание, естественно влияющее на национальное самосознание.

И еще одна оговорка о «принципах отбора» из всего созданного Станиславом Куняевым. Многие из самых значительных своих гражданских стихотворений поэт создал в последние, уже «перестроенные» годы. Но здесь, в этой ограниченной объемом газетной полосы публикации, их нет — и потому, что они, появившиеся в недавнее время на страницах периодики, более известны сегодняшним читателям, и — это еще важнее, — что стихотворения, создан-

ные до всяческой «гласности», по-своему особенно ценны. Те, кто внимательно читается в стихотворения Станислава Куняева, написанные и опубликованные в пору так называемого «застоя», поймут, что для поэзии даже отсутствие «гласности» — не помеха. Вот хотя бы стихотворение о российской революции «Чего нам не хватало на просторе...», созданное в 1975 году. Оно не только «отвечает» от стихов, которые сочиняются о революции сегодня, но и в определенном смысле «опережает» их. В них воплощена программа, до которой нам еще предстоит дожить, — если, конечно, доживем...

Или стихотворение «Ты, время, опять навалилось...», написанное в 1980-м, со всей остротой предчувствует 1992-й. Или «Два сына соседних народов...» — если бы сегодняшнее телевидение было отечественным, это стихотворение звучало бы с экранов постоянно. В нем поистине провидчески сказано о будущей ныне резне, сказано глубже и сильнее, чем говорят сегодня.

Это провидчество поэта совершенно несомненно. Правда, могут возразить: в нем не содержится собственно поэтического достижения. Здесь я готов поспорить. Смысл этого стихотворения (как, впрочем, и других в этой подборке) — отнюдь не расхожий, не «головной». Он творчески открыт в самом бытии того времени. И стихия творчества живет в этих строках, в самом их стиле. Перед нами отнюдь не зарифмованный «отклик» на некую «информацию». Такого рода отклики устаревают стремительно, и 99 процентов «гражданских» стихов 1960—1980-х годов сейчас уже просто не существуют. А стихотворение Станислава Куняева исполнено даже большей жизненности теперь, чем тогда, когда оно было создано.

Наверное, я нарушил законы жанра: «юбилейная» статья свелась к представлению нескольких стихотворений. Да и сам оговорил, что речь будет идти только об образцах гражданского поэзии, где поэт далеко не всегда может достигать своего высшего уровня (так, в составленную мною в 1983 году антологию «Странцы современной лирики», где цель была именно в «совершенстве», вошли 27 стихотворений Станислава Куняева, но лишь три из них представлены в сегодняшней публикации).

Однако в «политических» стихотворениях перед нами открыто является не только человек и поэт, но и гражданин, сын своего Отечества. А в день шестидесятилетия Станислава Куняева необходимо подумать сразу и о первом, и о втором, и о третьем. И представленные стихотворения, надеюсь, исполняют эту тройственную задачу.

Вадим КОЖИНОВ

Куда там!

Не то что любовью дышали разверстые рты, а ржавым железом, и кровью, и яростью до хрипота.

Что было здесь правдой?

Уже не понять никому, Россия! Россия! Россия! Прошла по лицу моему: оп...

Я вспомнил про русскую долю, которая мне суждена, — смирать озверевшую волю, коль кровопролитна она.

Очнитесь!

Я старую рану не стану при всех раскрывать, и как ни печально, — не стану свой счет никому предъявлять.

Мы павших своих не считали, мы кровную месть не били и, может, поэтому стали последней надеждой земли. 1976 г.

1976 г.

Ты, время, опять навалилось, пытайся меня на разрыв, не терпши, как высию мулю, что я неважно и жид! Зачем тебе лапой железной в мой копытошней груди — я сам наклонился над бездной — отстань, отвернись, не гляди... 1980 г.

1980 г.

Иссякнут золото и нефть, иссякнут пища и одежда, но человек не верит в смерть, покамест теплится надежда. А выболит она, как боль, и, человечество спасая, останется одна любовь, которой ни конца, ни края. 1983 г.

1983 г.

С каждым годом беднее земля, лес редеет и реки мелеют, но, представляя себе, для меня чем беднее она — тем милее, словно близкий больной человек, чем болезненнее — тем дорожее...

Гладишь руки, прощаясь навеки, чуешь — дрожь пробегает по коже... 1985 г.

1985 г.

Не понял он, что из святынь зброи в дни, гневной смуты, и кровавой пьянки законных государей и царей народ, глумясь, выбрасывал останки.

Пойти под плети и на плаху лечь, поджечь свой двор и все начать сначала... Он был храбрец... Но чтоб чужая речь на древней Красной площади звучала?! 1975 г.

1975 г.

Опять разгулялась вихрь — шумит мировая орда: Россия! Россия! Россия! Но где же вы были, когда, от Вены до Амстердама Европу, как тряпку, кроя, дивизии Гудермана утюжили ваши поля? Так что ж — все прошло-пролетело, все шумным былзем поросло, и слава, и доброе дело, и кровь, и всемирное зло? Нет, все-таки взглянем сквозь годы прекрасные ваши «свободы» — что было бы с ними без нас?! Недаром леги как основа в синодик гуманных торжеств и проповедь графа Толстого, и Жукова маршалский жезл. 1975 г.

1975 г.

Два сына соседних народов такой завели разговор о дикости древних походов, что вспыхнул меж ними раздор.

1975 г.

Сначала я слышал упреки, в которых, как корни во мгле, едва шевелились истоки извечного зла на земле.

1975 г.

Но мягкие интеллигентные воззвал, как духов из тьмы, такие дела и легенды, что враг помутнел уны.

1975 г.

Как будто овечью отару один у другого унял, как будто к резне и пожару вот-вот — и раздается сигнал.

1975 г.

1975 г.

«Станиславу Куняеву на дружбу. Булат ОКУДЖАВА. 1975 год».

«Любимому Станиславу Куняеву — одному из моих самых любимых (давню) поэтов и людей. Юрий КАЗАКОВ, Сентябрь 1973 г.».

«Станиславу Куняеву, дорогому поэту и другу на добрую память. 1. XII — 68 г. Москва, теплая зима погода. Николай РУБЦОВ».

«Дорогому Волку (Сарому, Белому и Красному) кардиналу этой книжки (от благодарного) Сухопутного Мудавля. 5 июля 1981 г. Татьяна ГЛУШКОВА».

«Стасик! Спасибо, что ты есть! Как поэт и как человек. С любовью — Анастасий ПЕРЕДРЕЕВ. 16. III. 87 г.».

«Стасину Куняеву — моему другу, поэту и дуэлянту с уважением и дружбой. Г. ПОЖЕНЯН. 1971 год».

ДОРОГОМУ СТАСУ...

Редaktionen и редколлегии газеты «День» сердечно поздравляют нашего автора и члена редколлегии, прекрасного поэта, патриота Станислава Куняева с юбилеем. Наша антология — подарок ему. Будучи в гостях у поэта, мы заинтересовались, а что же дарили Куняеву его друзья-поэты, какие надписи оставляли они на подаренных ему собственных книгах? Вот они.

«Станиславу Куняеву. БЕЛОВ. 10. IV. 83. О Родине душа моя болит! .. Она скорбит по вырубленным сенам, по выжженным недром, по названным Засохшим рекам и вымороженным селам. Среди друзей, среди живых и павших, Сплоченных снова вражеским колымом! Болит душа... Как странен — отголосок Душевной боли — мой веселый смех, Среди друзей, среди живых и павших, Сплоченных снова вражеским колымом! 1982 год, в Тимонихе».

«Дорогому Стасу Куняеву. Сил тебе, Стас, да надолго! В. РАСПУТИН. Апрель 1988 г., Иркутск».

«Спасибо, Станислав, за книги, за добрые слова! К сожалению, у нас нет весны, и будет ли лето? Легким сердцем, а Мария Семеновна едва живая, поэтому в Вологу не могли поехать, а так хотелось, и дети со внуками нас ждут. Вместе, иначе задавать нас поди-ночке. Обнимаю — В. АСТАФЬЕВ, май 1984 года».

«Другу, поэту, человеку Станиславу Куняеву с любовью, почтением. Сердечно — Юрий СЕЛЕЗНЕВ. 1. IX. 80».